

А. Н. Чистиков

«Ладно ль за морем иль худо?»:
впечатления советских людей
о загранице в личных записях
и выступлениях (середина 1950-х —
середина 1960-х гг.)

Середина 1950-х гг. стала началом нового этапа в развитии международного туризма в Советском Союзе. Он характеризовался, прежде всего, значительным увеличением и стабильным ростом числа поездок советских людей за рубеж. Если в 1956 г. другой мир увидела 561 тыс. советских граждан¹, то в 1965 г. — 1 млн 200 тыс. человек², в два раза больше.

Поскольку первостепенную роль в организации советского выездного туризма играло государство, оно диктовало свои условия не только при отборе будущих туристов, но и при формировании их восприятия увиденного. В постановлении ЦК КПСС от 3 января 1956 г. «Об организации поездок советских туристов за границу» открыто заявлялось, что «...советские туристы направляются за границу не только для отдыха, но и для ознакомления с жизнью других народов и достижениями зарубежной науки и техники»³. Неслучайно практически во все маршруты туристских групп включалось посещение фабрик, заводов, кооперативных хозяйств или учреждений. Отсюда следовало, что требовалось получить знания об иностранных достижениях в области науки и техники. Помимо этого, каждому туристу рекомендовалось по возвращении поделиться своими личными впечатлениями. Таким образом, получив от государства разрешение на зарубежную поездку, турист принимал на себя ряд обязательств перед ним.

Какие впечатления испытывал советский гражданин за рубежом, что ему нравилось и не нравилось? Однозначного ответа на эти вопросы, как показывает изученный материал, получить невозможно. Более того, одно и то же явление могло вызвать разную, а иногда и противоположную реакцию. Безусловно, здесь сказывалось субъективное

**Чистиков Александр
Николаевич,**

*доктор исторических
наук, заведующий
отделом современной
истории России,
Санкт-Петербургский
институт истории
РАН.
тчистиков@yandex.ru*

мнение отдельного наблюдателя, но эта главная причина, на наш взгляд, не была единственной. От чего еще зависело восприятие советского туриста? Для ответа на этот вопрос сначала надо понять, где и с кем мог поделиться человек своими наблюдениями о чужом мире и его оценкой.

Все или почти все многообразие способов выражения впечатлений и разновидности аудитории можно свести к трем группам, если в основу группировки положить степень публичности информации. При этом сразу оговоримся, что речь идет об источниках только анализируемого периода.

Первая группа объединяет устные или письменные публичные выступления, рассчитанные на широкий круг слушателей или читателей. К этим источникам информации относятся статьи в газетах и журналах, книги о недавних поездках, выступления на радио или перед профессиональной аудиторией, а также публичные лекции. Вторая группа включает в себя письменную информацию заграничных путешественников, направляемую ими в соответствующие инстанции: отчеты о командировках, отчеты руководителей туристских групп. Данной группе источников также присуща определенная публичность, но меж- или внутриведомственная. В третью группу включены устные или письменные свидетельства туристов, рассчитанные на узкую и доверенную аудиторию: членов семьи и других родственников, друзей, соседей, коллег.

В периодической печати середины 1950-х — середины 1960-х гг., прежде всего в газетах, встречалось немало рассказов участников зарубежных поездок, объединенных под рубриками «Из путевого блокнота», «Из записной книжки туриста», «Из дневника туриста» и т. п. Эти статьи можно уверенно разделить на две группы: посвященные странам народной демократии и капиталистическим государствам. О партнерах по социалистическому блоку туристы-корреспонденты⁴ писали тепло, положительно, иногда восторженно. «На протяжении всей поездки по ГДР мы были свидетелями небывалого энтузиазма, которым охвачены трудящиеся республики, строящие социализм», — рассказывал Ю. Кайгородцев, секретарь Поддорского райкома ВЛКСМ на страницах «Новгородской правды»⁵. При этом нередко пытливый взгляд путешественника даже за полторы–две недели пребывания в другой стране примечал то, что было необычно, то, что можно перенять у своих европейских соседей. При посещении, например, чехословацкого города Брно советские туристы обратили внимание на наклонные приспособления, имевшиеся на каждой остановке, по которым можно было легко закатить детскую коляску в трамвай, на удобство передвижения с коляской по универсам и другим магазинам⁶. Они писали о новых фабриках и жилых кварталах, о трудовых достижениях рабочих и членов сельскохозяйственных кооперативов, одобрительно отзывались о социальной политике, восхищались народной культурой. Впрочем, о достопримечательностях также говорилось немало. Как правило, недостатков не находилось, а если они все-таки обнаруживались, то объяснялись внешними обстоятельствами.

Совсем иная картина возникает при чтении рассказов очевидцев о государствах капиталистического лагеря. Здесь положительные характеристики обязательно соседствуют с отри-

цательными, а сама статья строится по схеме: хорошо—плохо. Рассказывая читателям «Ленинградской правды» о посещении Парижа, историк Д. П. Прицкер часто следовал этому образцу: «Вечерами Париж особенно хорош. Дефекты давно не ремонтировавшихся домов в это время не видны»; «Витрины магазинов оформлены с большим вкусом... Но нам бросилось в глаза, что во многих магазинах почти не бывает покупателей. Высокие цены делают товары недоступными»⁷. Подобным образом действовал и журналист Я. Пановко, на страницах той же газеты описавший поездку советских автотуристов по городам Финляндии. Похвалив высокоразвитое молочное животноводство и современные жилые дома, он тут же напоминает читателям, что не всем эти дома по карману, и что безработица для финнов — «не мертвое слово как у нас». Упомянув об увольнении сотен судостроителей в Турку, Пановко сразу цитирует финнов, признающихся, что советские заказы спасают Финляндию⁸. Очевидная искусственность построения сюжета заставляет предположить, что такого рода статьи не всегда отражали только взгляды их авторов, а несли на себе также печать политического заказа.

О допустимости такого предположения говорят и другие свидетельства. В октябре 1957 г. газета «Ленинградская правда» опубликовала статью своего редактора М. Куртынина о поездке группы депутатов Ленсовета в Гамбург⁹. Сравнение содержания газетной статьи и черновика, сохранившегося в одном из петербургских архивов¹⁰, показывает, как редактировалась статья. Из окончательного варианта исчезло предложение о чистоте на гамбургских улицах, но появился абзац об «утомительной и назойливой рекламе». Но самыми примечательными оказались исправления в следующей фразе: «Планировка квартир удобна, хотя комнаты повсюду крохотные, а при высоте потолка в 2,5 метра они скорее напоминают пароходную каюту, чем комнату». После редактирования комнаты превратились в «очень крохотные» комнатки, а потолок высотой 2,5 м — в низкий потолок. Последнее изменение красноречиво. В советских «хрущевках» высота потолка также равнялась 2,5 м, поэтому и здесь могла возникнуть аналогия с пароходными каютами.

Были подправлены впечатления известного уже в те годы хирурга Ф. Г. Углова, который подготовил для журнала «Вестник хирургии» (он был, кстати, главным редактором этого журнала) статью о поездке в США. Углов восхищался многими сторонами медицинской помощи в Америке. Цензоры Ленинградского облгорлита рекомендовали автору добавить фразу о дороговизне медицинской помощи в США, но он проявил строптивость и сдался лишь под давлением обкома партии¹¹. Безусловно, многие негативные явления, о которых говорилось в этих и им подобных сообщениях, действительно существовали в капиталистическом обществе, но в данном случае речь идет о другом. Подобное редактирование превращало мнение одного человека в коллективное и искажало его.

Лекции перед массовой аудиторией структурно и тематически во многом перекликались с газетными и журнальными статьями, книгами о путешествиях в другие страны, также отражая специфику восприятия капиталистического и социалистического мира. Пожалуй, только

в устных выступлениях перед профессиональной аудиторией акцент чаще смещался в сторону рассказа о положительном опыте, который можно было вынести из наблюдения над зарубежной жизнью. По признанию архитектора Г. И. Прибыловского, отчитывавшегося перед коллегами, во время поездки в Финляндию в ноябре 1955 г. он «старался как можно лучше ознакомиться со страной, с ее городами, со строительством, с памятниками искусства и старины, а главное с новым жилищным строительством и почерпнуть все то новое и полезное для нас»¹². Особенно поразила его квартальная котельная для 12 башенных (8-, 10-этажных) домов, которую обслуживал один человек. «В котельной имеется устройство, по которому можно определить в любое время, в любом этаже и в любой квартире температуру воздуха»¹³, — рассказал Прибыловский и продолжил, что, не поверив, он зашел в две выбранные им квартиры и убедился в совпадении показателей.

Равным образом профессиональные наблюдения составляли основную часть отчетов о командировках советских специалистов. При этом результаты наблюдений нередко формулировались в рекомендации, как это сделал композитор О. Евлахов после поездки в Польшу в апреле 1966 г. Отметив, что «в своем большинстве польские композиторы считают современным только то творчество, которое основано на додекафонии или какой-либо иной модной современной механистической системе», и что они находятся под влиянием американцев, Евлахов советовал терпеливо разъяснять советскую позицию, «эстетически воздействовать на развитие их (поляков. — А. Ч.) музыкального творчества»¹⁴. Специфика задач, стоявших перед командруемыми, позволяла им в своих отчетах давать такую информацию применительно к странам социалистического лагеря, которую ни в газетных или журнальных статьях, ни в выступлениях перед массовой аудиторией было нельзя прочитать или услышать.

Отчеты руководителей туристских групп, относящиеся, как и отчеты специалистов, ко второй группе, совпадая по степени их публичности, отличаются друг от друга по своему содержанию. Тем не менее, анализ нескольких десятков документов этого жанра, связанных с посещением стран народной демократии, приводит к выводу о том, что при всем разнообразии отчеты представляли собой расширенные и свободные по форме ответы на определенные вопросы, которые ставились перед руководителем группы. Это либо сквозит в формулировках отдельных предложений, либо присутствует в делении текста отчета на специальные разделы¹⁵. Как правило, вышестоящие органы хотели получить ответы на следующие вопросы: численность и социальный состав группы; перечень объектов, с которыми ознакомились туристы по программе маршрута и сверх нее; недостатки в деятельности «Интуриста» и принимающей организации; квалификация гидов-переводчиков и экскурсоводов, уровень обслуживания в гостиницах и ресторанах, результаты встреч с населением, и в этой связи — наличие конфликтных ситуаций, включая случаи «неправильного поведения советских туристов».

Заданность структуры отчета сужает возможности исследователя по выявлению в источниках такого рода форм впечатлений советских туристов. К тому же, автор отчета выражает,

как правило, общее, обезличенное мнение. Индивидуальность проступает, когда руководитель группы делится собственными наблюдениями и оценками или указывает мнение кого-то из туристов персонально. Тем не менее, из отчетов можно узнать, как туристы воспринимали памятники истории и культуры и другие достопримечательности, что они выносили из встреч с местным населением, насколько были удовлетворены информацией о стране, полученной от гидов и экскурсоводов.

«Теплая дружественная встреча», «сердечная товарищеская радостная встреча», «хорошая теплая обстановка» — эти и им подобные словосочетания переходят из отчета в отчет, характеризуя результаты встреч советских туристов с работниками заводов и фабрик, сельскохозяйственных кооперативов, сотрудниками учреждений и учеными. Возможно, сама форма документа провоцировала появление подобных ответов. В какой-то степени сжатость формулировок свидетельствует об определенной официозности ряда встреч. Однако иногда руководители групп не ограничивались этими клише и расшифровывали их. «На короткое время (2–2,5 часа) туристы были приглашены на обед в семьи, по одному советскому туристу на семью. После этого собрались на вечер, где был дан концерт местной самодеятельности и устроены танцы. Многие обменялись адресами для дальнейшей переписки»¹⁶, — сообщал руководитель группы туристов, посетивших чехословацкое село Саталица в марте 1960 г. Все остальные пояснения в изученных документах характеризовали встречи также положительно. К тому же, от руководителей групп требовалось указывать и негативные стороны пребывания за рубежом, чем они, кстати, и пользовались. Исходя из этого, можно предположить, что рассказы о «теплых», «товарищеских» общениях в основном соответствовали действительности. Вероятно, в целом не кривили душой и туристы-корреспонденты, описывавшие в газетах и журналах встречи с населением социалистических стран теми же словами, что и в отчетах.

Основная часть претензий предъявлялась принимающим туристским организациям, что неудивительно, поскольку отзыв о их работе входил в обязанность руководителя группы. Правда, в общем хоре положительных откликов об обслуживании нечасто встречались жалобы на грязные номера, перебои с водой, отсутствие ванн, рваные полотенца или некачественное питание, и совсем единичными оказались примеры воровства вещей туристов горничными или носильщиками на вокзале¹⁷. Настоящее изумление испытывали советские туристы, когда весной 1960 г. в чехословацких гостиницах обнаруживали в номерах на двух человек одну двуспальную кровать, правда, «с отдельным бельем, подушками и одеялами». Поскольку семейных пар в группе традиционно было немного, то в такие номера приходилось селить по двое мужчин или по две женщины, и «это обстоятельство вызывало у туристов чувство неудовольствия»¹⁸. Сообразительный руководитель группы, сформированной из членов Ленинградского Дома ученых, требовал ставить в номер дополнительную кровать, и «этим самым изживалась неприятность»¹⁹.

Больше всего нареканий при обслуживании вызывали малоквалифицированные гиды-переводчики и экскурсоводы. Характеристики их как случайных, некомпетентных, дающих «очень примитивные сведения» лиц нередко встречаются в проанализированных отчетах. Основная причина лежала на поверхности — гидами и экскурсоводами часто были студенты, изучавшие русский язык в качестве иностранного и не всегда обладавшие широкими познаниями по истории своего Отечества. А большинство советских туристов составляла интеллигенция и служащие, и многие из них специально к предстоящей поездке пополняли свой багаж знаний по мировой истории. Непрофессиональное обслуживание снижало уровень ожидаемых впечатлений.

В силу своей специфичности, отчеты не всегда содержат подробную информацию о тех впечатлениях, которые получали туристы при знакомстве с достопримечательностями. Как правило, руководители ограничивались их перечислением, лишь иногда позволяя себе небольшие комментарии, поскольку для них важнее было ответить на вопросы: все ли объекты были осмотрены, и с чем познакомилась группа дополнительно. Тем интереснее анализировать сохранившиеся мнения и оценки. К примеру, руководитель группы автотуристов, в основном научных работников из Арктического и Антарктического НИИ, А. Ф. Трёшников сетовал, что «в программе осмотра Праги и других городов уделяется непомерно много времени осмотру соборов». «Мы понимаем, — продолжал он, — что соборы — замечательные памятники архитектуры и зодчества, но когда их много, то это вызывает недоумение и досаду. В то же время, знакомству с современностью уделяется очень мало внимания»²⁰. О религии, но уже о ее современном состоянии в Польше, писали руководители других туристских групп: «На всю группу неприятное впечатление произвело: религиозный дух везде и всюду, влияние католической церкви там огромно»²¹. Годом раньше — в 1960 г. — руководитель группы туристов, также выезжавших в Польшу, писал в отчете о неправильном поведении одного из участников поездки, который «несмотря на мои замечания и замечания отдельных товарищей, вступал в разговоры с населением о том, что в Польше очень много костелов и верующих (это было в автобусе и на вокзале в г. Кузнице), тем самым вызывал возмущение со стороны окружавших нас поляков»²². На фоне активной антирелигиозной борьбы в СССР высокая религиозность партнеров по социалистическому блоку вызывала, по меньшей мере, недоумение и вопросы.

Поскольку в программу маршрута закладывалось посещение какого-либо предприятия или учреждения, то в отчете об этом также обязательно упоминалось. Но выявляется интересная закономерность. Если группа была сборной, то есть в ней не преобладали представители какой-то одной профессии (в крайнем случае, двух-трех), то руководитель группы писал в основном не о производстве, а о встречах с работниками данного предприятия или учреждения. Отчеты специализированных групп, наоборот, иногда основательно насыщены специальной информацией, иногда в меньшей степени, но за редкими исключениями ее обязательно содержат. К сожалению, из этих документов неясно, насколько она оказывалась востребован-

ной на практике. Однако и эти, и ранее упоминавшиеся виды отчетов, равно как и публикации в периодической печати, свидетельствуют, что многие туристы выполняли свои обязательства перед государством — знакомились с достижениями зарубежной науки и техники, воспринимали и оценивали их.

Анализ третьей группы свидетельств о зарубежных путешествиях начнем с альбомов, подготовленных участниками двух круизов вокруг Европы: инженером А. Р. Станкевич, совершившей поездку в 1956 г.²³, и архитектором Г. И. Прибыловским — в 1957 г.²⁴ Как способ подачи материала, альбом предполагает ограниченное количество читателей. Внешне альбомы почти не отличаются друг от друга — в обоих случаях это текст, перемежающийся открытками, фотографиями, рекламными проспектами и иными материалами, собранными во время путешествия. Однако при анализе внутреннего содержания источников между ними выявляются заметные расхождения. Если Станкевич обходится почти исключительно справками об увиденных достопримечательностях, то Прибыловский подробно рассказывает о самом процессе путешествия, причем его впечатления не только носят позитивный или негативный характер, но иногда приобретают и политическую окраску. Описывая свои наблюдения о Стамбуле, который советским туристам показали из окна автобуса²⁵, автор замечает: «Резким контрастом на фоне бедности и нищеты были разодетые американцы, которые с надменным видом, через темные очки разглядывали происходящее, относясь с полным равнодушием к плодам своей колониальной политики»²⁶. Впрочем, чаще на первый план выходят профессионализм и простое любопытство²⁷. Прибыловский не раз подчеркивает свой интерес к архитектуре, строительству, в том числе и современному. Он отдает должное искусной подсветке руин и фонтанов в Афинах, что создает «приятное зрительное восприятие», любит Сорренто «с его изящными зданиями вилл и красиво оформленными улицами», внимательно рассматривает в Париже сигнальную тумбу, с помощью которой регулируется уличное движение. Прибыловского, как и многих советских туристов, поражало обилие автомобилей: «Тысячи разноцветных, различных по величине и форме, легковых машин всех марок мира сплошным потоком движутся по широким улицам и бульварам Парижа. Движение настолько велико, что на некоторых улицах автомашины следуют во всю ширину улицы только в одном направлении»²⁸. И настоящее потрясение испытал он при посещении панорамного кинотеатра «Синерама» в Париже. «Во время демонстрации, — признавался автор, — у нас было чувство, что мы являемся участниками показываемого сюжета, и настолько было сильное впечатление, что в отдельных моментах мы держались за ручки кресел, из боязни падения, а более нервные вскрикивали и чуть не падали в обморок»²⁹.

Что касается фотографий, то более чем на половине из 92 снимков, помещенных в альбоме Г. И. Прибыловского, запечатлены общие виды городов и их самые известные исторические памятники и иные достопримечательности. Немногим более четверти фотографий изображают автора и его коллег по путешествию, а 16 штук (17 %) могут быть отнесены к снимкам, зафик-

сировавшим профессиональный или бытовой интерес архитектора: здания оригинальной архитектуры, бульвары, дороги, набережные, автостоянки, ярмарку...

У А. Р. Станкевич иная пропорция в сюжетном распределении изобразительного ряда. Из 185 фотографий 79 (43 %) касаются памятников истории, культуры и архитектуры, 45 (24 %) запечатлели автора альбома и остальных участников круиза во время путешествия, а 61 (33 %) — это результат интереса фотографа к бытовым явлениям, в том числе и непривычным для советского человека: американская туристка-инвалид в переносном кресле-носилках в Помпеях, американцы в шортах на о. Капри, автомобильная пробка в Париже, Римский Папа, благословляющий паству, стоянка велосипедов в Стокгольме... При этом подписи к фотографиям лишены политических оценок. Этим они отличаются от подписей к множеству фотографий, иллюстрировавших рассказы туристов в советских газетах и имевших определенную политическую подоплеку.

Помимо рассказа о впечатлениях, рассчитанных на восприятие небольшой аудиторией, туристы порой фиксировали в своих записных книжках или отрывочных записях сведения, которые предназначались либо для себя, либо для совсем уж узкого круга родственников или друзей. Таковы, например, списки вещей, которые хотели купить за рубежом туристы, подсчеты расходов или сетования по поводу маленькой суммы выданной валюты, которая заставляла заниматься больше не покупками, а разглядыванием товаров на витринах и прилавках магазинов³⁰. Встречаются и менее невинные заметки. Например, художник В. И. Курдов, летом 1964 г. посетивший ГДР, записал: «Вечером пошли смотреть Бранденбургские ворота... Приходят немцы и смотрят на перспективу Фридрихштрассе»³¹ — улицы, поделенной между Восточным и Западным Берлином. Двумя годами раньше этот же художник в вокзальном ресторане Хельсинки обратил внимание на русского с тоскливым взглядом тапера, который «заунывно брэнчал под сурдинку белогвардейский репертуар»³². Написано об этом было без тени осуждения. Путешествовавшая с группой советских туристов по Венгрии в начале октября 1956 г. М. С. Борман заключительному дню пребывания в Будапеште посвятила несколько строк: «Накануне отъезда в понедельник (8 октября. — А. Ч.) был назначен ужин — банкет русско-венгерской дружбы. Нас отвезли в ресторан “Геллерт” у подножия горы того же имени. Был сервирован ужин с вином. Мы ели, пили, вручали подарки гиду (это зря), музыкантам и еще кому-то. Но венгры с “дружбой” не приехали»³³. Менее чем через полмесяца в Венгрии вспыхнуло восстание.

И все же, в личных записях интерес, в том числе бытовой, преобладал над политическим. Туристы больше фиксировали свои наблюдения над образом жизни и обычаями чужих народов, описывали меню праздничных и ежедневных обедов, рассказывали о содержании просмотренных кинофильмов, новинках моды. С уменьшением степени публичности устного или письменного рассказа снижалась «идеологическая зашоренность», а в плакатном облике туриста все больше проступали живые черты.

Итак, впечатления советских туристов зависели не только от их субъективного мнения, но и от цели и задач устного или письменного выступления, а также влияния цензуры и самоцензуры. И все же, несмотря на пестроту и разнообразие впечатлений, мнений и оценок, отложившихся в разного рода источниках, можно выделить несколько явлений, о которых советские туристы писали и говорили чаще всего. Во-первых, неподдельный интерес у них вызывали исторические достопримечательности, особенно если речь шла о Греции, Италии или Франции. Судя по документам, многие путешественники думали и действовали как Г. И. Прибыловский, который признавался, что в Париже «часы для сна были доведены до минимума, и лично я, пожалуй, за все четверо суток вряд ли проспал больше 16 часов»³⁴. При этом жажда познания усугублялась горькой мыслью о том, что шанс увидеть эти страны во второй раз чрезвычайно мал. Во-вторых, почти всегда советские туристы хвалили дороги европейских стран, а также чистоту на улицах³⁵. Иной раз даже специально подчеркивалась разница в состоянии проезжей части и тротуаров в СССР. Стойкий интерес проявляли наши путешественники к автомобилям, интересуясь их марками, внешним видом, сравнивая загруженность дорог «у них и у нас» и радуясь, что в потоке зарубежных автомобилей мелькали и отечественные «Победы», «Волги», «Москвичи». Наконец, редкое свидетельство обходилось без упоминания рекламы. В основном она осуждалась как одна из ярких (в прямом и переносном смысле слова) примет капитализма, но в некоторых личных записях эта идеологизация исчезала, что лишний раз подтверждает прямо пропорциональную зависимость между степенью публичности текста и его идеологическим наполнением. Общее для всех перечисленных явлений заключалось в том, что это были внешние, бросающиеся в глаза детали, ибо из-за кратковременного пребывания за рубежом турист видел за границу в основном из окна гостиничного номера, поезда или автобуса, во время редких пешеходных экскурсий и нечастых встреч с местным населением.

¹ Известия. 1957. 25 июля. — В статье В. Бойченко данные округлены до цифры 600 тыс. человек (см.: *Бойченко В. Иностраный туризм в СССР: 50 лет развития // Внешняя торговля. М., 1978. № 9. С. 36*).

² *Бойченко В. Иностраный туризм в СССР... С. 36.*

³ См.: Государственный архив новейшей истории Новгородской области (далее — ГАНИНО). Ф. 260. Оп. 13. Д. 26. Л. 10. По этой причине преимущество, которое отдавалось при поездках за границу передовикам производства, объяснялось не только необходимостью поощрения человека за добросовестный и честный труд, но и тем, что недостаточно квалифицированные работники «не знают своих вопросов и привозят материалы и данные, которые в СССР известны» (ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 16. Д. 34. Л. 234).

⁴ Это выражение употребил руководитель туристской группы Н. Е. Никольский в своем отчете о поездке по ГДР летом 1960 г. (Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб.). Ф. 6276. Оп. 273. Д. 851. Л. 7).

⁵ Новгородская правда. 1960. 21 сентября.

⁶ Ленинградская правда. 1958. 4 июля. — Примечательно, что ни автор статьи (Н. Грудина), ни редакция не заменили словосочетание «наклонное приспособление» термином «пандус». Можно предположить, что вследствие

редкого использования пандусов при строительстве, слово было известно в основном специалистам, а не широкой публике.

⁷ Ленинградская правда. 1958. 2 сентября.

⁸ Там же. 24, 25 сентября.

⁹ Там же. 1957. 27 октября.

¹⁰ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 37а. Д. 21. Л. 18–30. — Благодарим С. И. Подольского, обратившего наше внимание на этот документ.

¹¹ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 1669. Оп. 6. Д. 13. Л. 6, 18; Д. 16. Л. 13–14.

¹² Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее — ЦГАЛИ СПб). Ф. 420. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.

¹³ Там же. Л. 8.

¹⁴ Там же. Ф. 466. Оп. 1. Д. 72. Л. 6–7, 9.

¹⁵ В отчете о поездке советских туристов в Венгрию в июле–августе 1960 г. выделены следующие разделы: общая часть, состав группы, выполнение программы по маршруту, дополнительные мероприятия, вопросы обслуживания, работа гида-переводчика, встречи с населением, вопросы дисциплины, наши пожелания (см.: ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 273. Д. 850. Л. 8–14). Иногда появлялись разделы, посвященные питанию и гостиницам, состоянию здоровья туристов и другим сторонам путешествия.

¹⁶ ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 273. Д. 854. Л. 8.

¹⁷ Там же. Д. 850. Л. 16; Д. 854. Л. 40.

¹⁸ Там же. Д. 853. Л. 35. — Помимо Чехословакии, с такой же ситуацией советские туристы столкнулись в Румынии (ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 273. Д. 854. Л. 2).

¹⁹ Там же. Д. 854. Л. 21.

²⁰ Там же. Д. 853. Л. 45.

²¹ Там же. Д. 1069. Л. 15 об.

²² Там же. Д. 853. Л. 15. — Схожие впечатления испытывали в Польше и туристы из Крыма, на которых информация о том, что более 90 % поляков являются верующими католиками, подействовала «удручающе» (см.: Попов А. Д. Советские туристы за рубежом: идеология, коммуникация, эмоции (по отчетам руководителей туристских групп) // Исторична панорама: 36. наук. статей. Чернівці, 2008. Вип. 6. С. 54.

²³ Семейный архив А. Р. Станкевич.

²⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 420. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–255.

²⁵ Из автобуса туристов выпустили только при осмотре собора Святой Софии, на Ат-Мейдан и у Голубой мечети (см.: ЦГАЛИ СПб. Ф. 420. Оп. 1. Д. 12. Л. 36).

²⁶ Там же. Л. 40.

²⁷ Там же. Л. 69, 105, 188.

²⁸ Там же. Л. 188.

²⁹ Там же. Л. 219.

³⁰ Канадская исследовательница А. Горсач называет рассматривание и приобретение товаров, недоступных в СССР, одной из основных достопримечательностей зарубежного путешествия советских туристов (см.: Gorsuch A. E. Time Travelers. Soviet Tourists to Eastern Europe // Turizm: The Russian and East European Tourist Under Capitalism and Socialism. Ithaca; London, 2006. P. 217).

³¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 514. Оп. 1. Д. 66. Л. 10 об.

³² Там же. Д. 65. Л. 40 об.

³³ Там же. Ф. 420. Оп. 1. Д. 73. Л. 44.

³⁴ Там же. Д. 12. Л. 170.

³⁵ Пожалуй, одним из немногих исключений были записи М. С. Борман о Будапеште осени 1956 г.: «При выходе из вокзала первое впечатление от депо вокзала — чернота и грязь ... Выходим на улицу; второе впечатление — мусор и грохот транспорта» (см.: ЦГАЛИ СПб. Ф. 420. Оп. 1. Д. 73. Л. 7).